

А.А. Цыганкова (Москва, Россия)

**Сергей Довлатов в Италии:
опыт лингвостилистического анализа перевода рассказа «Представление»**

Аннотация: В статье анализируется перевод рассказа «Представление» на итальянский язык, выполненный славистом и исследователем довлатовской прозы Лаурой Сальмон. Наиболее подробно рассмотрены способы передачи четырех основных стилей рассказа: социолект военных, лагерно-тюремно-блатное аргю, стиль литературы соцреализма и индивидуальный стиль героя-рассказчика Довлатова. Наибольший интерес представляет воспроизведение в итальянском тексте уникального явления русской культуры, так называемого лагерно-тюремно-блатного аргю. Специфика довлатовской прозы – установка на подчеркнуто нейтральный текст. За счет чередования предельно нейтральных отрывков со стилистически окрашенными достигается юмористический эффект. Особенностью данного конкретного рассказа являются ритмизованные фрагменты речи персонажей. В сочетании с большим количеством реалий, описанных и упомянутых в рассказе, всё это затрудняет работу переводчика и, как следствие, препятствует адекватному восприятию рассказа итальянским читателем.

Ключевые слова: лингвостилистика, Довлатов, Сальмон, лагерно-тюремно-блатное аргю, ирония, стиль, переводоведение

A.A. Tsygankova (Moscow, Russia)

**Sergei Dovlatov in Italy:
A Stylistic Analysis of the Translation of the Short Story “The Show”**

Abstract: The article analyzes the Italian translation of Dovlatov’s short story “The Show” by the slavist and Dovlatov researcher Laura Salmon. Of particular interest is how the translator puts across the four main styles in the short story: the military sociolect, the camp and prison argot, the social realism literature style and the individual style of the narrator. Special emphasis is laid on how the translator struggles to render the camp and prison argot, a phenomenon of Russian culture. Dovlatov’s prose is characterized by the ultimate neutrality of the text. Alternating neutral and stylistically marked pieces of text enables the author to get a comic effect. A distinguishing feature of this short story is rhythmically organized pieces of the characters’ communications. Coupled with the

many facts of Russian reality, all this makes the translator's work backbreaking and as a result, obstruct the adequate perception of the text by the Italian reader.

Key words: stylistics, Dovlatov, Salmon, camp and prison argot, irony, style, translation studies

Внимание литературоведов к творчеству Довлатова обусловлено жанровой спецификой его рассказа, соотношением автора и героя-рассказчика, а также стилиевыми особенностями довлатовской прозы. «Я пытаюсь вызвать у читателя ощущение нормы. Одним из серьезных ощущений, связанных с нашим временем, стало ощущение надвигающегося абсурда, когда безумие становится более или менее нормальным явлением», – говорил Довлатов в интервью американскому исследователю русской литературы Джону Глэду¹.

Первый перевод Довлатова на итальянский язык вышел в 1991 г. Филолог-славист, автор многочисленных работ по теории и практике перевода, Лаура Сальмон перевела повесть «Иностранка». Начиная с 1991 г. Сальмон остается единственным итальянским переводчиком Довлатова.

Предметом данной статьи стал перевод на итальянский язык рассказа Довлатова «Представление», выполненный Лаурой Сальмон.

Рассказ «Представление» впервые опубликован в 1987 г. в нью-йоркском издании Russica Publishing.

Сергей Довлатов служил три года во внутренних войсках в охране исправительных колоний в Республике Коми (поселок Чиньяворык). По воспоминаниям Бродского, Довлатов вернулся из армии, «как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде»².

В рассказе описывается подготовка к октябрьским праздникам в устьвымском лагунке. В лагере репетируют пьесу «Кремлевские звезды», рекомендованную к постановке культурным отделом УВД. Роли Дзержинского, Ленина и мещанина Тимофея исполняют заключенные. Роль Полины, невесты Тимофея, отводится работнице административно-хозяйственной части, по менталитету близкой к заключенным.

Нас интересует перевод рассказа с лингвостилистической точки зрения, поскольку в нем представлен широкий спектр речевых стилей.

В качестве рабочего определения понятия «стиль» будем использовать определение из Словаря лингвистических терминов Ахмановой: «Стиль – одна из дифференциальных разновидностей языка, языковая подсистема с своеобразным словарем, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, отличающаяся от других разновидностей в основном экспрессивно-оценочными свойствами составляющих ее элементов и обычно связанная с определенными сферами употребления речи»³.

Наиболее яркими стилиевыми доминантами рассказа являются социолект военных, лагерно-тюремно-блатное арго, стиль литературы соцреализма и индивидуальный стиль героя-рассказчика Довлатова. Каждая из этих доминант будет рассмотрена отдельно.

¹ Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. С. 93

² Бродский И.А. О Сереже Довлатове // Звезда. 1992. № 2. С. 5.

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 444.

1. СОЦИОЛЕКТ ВОЕННЫХ

Социолект военных – это социально-речевой стиль с лексическими элементами и конструкциями, заимствованными из военного устава. Автор передает стиль общения военных при помощи специфической лексики, синтаксического параллелизма, делает фразы краткими, лаконичными:

- Минуточку, не расходитесь. В шесть тридцать – общее собрание. После торжественной части – концерт. Явка обязательна, отказчики пойдут в изолятор. Есть вопросы?
- Вопросов навалом, – подали голос из шеренги, – сказать? <..>
- Тихо! Тихо! – закричал Хуриев. – Жалобы в установленном порядке, через бригадиров! А теперь расходитесь.

Переводчица успешно воспроизводит эти черты, насколько это можно сделать средствами итальянского языка:

- Un momento, non andatevene. Alle sei e trenta c'è una riunione generale. Dopo la manifestazione solenne, c'è uno spettacolo. La presenza è obbligatoria. Chi diserta andrà in isolamento. Ci sono domande?
- Ce n'è un sacco – si udirono delle voci dalle file – dobbiamo farle? <...>
- Buoni! Buoni! – urlò Churiev. – I reclami vanno inoltrati secondo il regolamento, per il tramite del caposquadra! E ora, andate...

Максимальная краткость и емкость достигается в фразе «Chi diserta andrà in isolamento». Точно воспроизведен и бюрократизм последней фразы «жалобы в установленном порядке».

Рассмотрим стратегии, которые использовала переводчица для передачи лексических единиц, свойственных социолекту военных.

Лексические единицы, свойственные уставному общению военных и лишенные национального колорита, переведены с использованием итальянских эквивалентов:

- гауптвахта – camera di punizione;*
- заключенный – detenuto;*
- конвойные бригады – squadre di sorveglianza;*
- койка – branda;*
- дневальный – piantone;*
- следователь – giudice istruttore;*
- составление малолетних – abuso dei minori;*
- казарма – caserma;*
- КПП – posto di controllo.*

Лексические единицы, обладающие национальным колоритом, переведены буквально, в соответствии с принципом «отчуждения» (советские реалии, соответствующие некоторым итальянским, не заменяются на последние, чтобы сохранить культурную дистанцию)¹:

- товарищ капитан – compagno capitano;*
- устьевский лагпункт – campi di rieducazione di Ust'-Vym.'*

¹ Salmon L. Nota alla traduzione. Sellerio editore Palermo, 2002. P. 237.

2. ЛАГЕРНО-ТЮРЕМНО-БЛАТНОЕ АРГО

В статье Грачева «Блатная музыка»¹ говорится, что уголовный жаргон (так называемая «блатная феня») зародился на Руси еще в эпоху Средневековья и изначально использовался бродячими торговцами (офенями).

Лагерно-тюремно-блатное арго – это социолект криминалитета, т. е. строгая система стилистически окрашенных лексических единиц². Поскольку это прежде всего стиль устного общения, в нем сохраняются черты, присущие разговорному стилю: эллипсис, оценочные суффиксы:

Молчавший до этого зек повторял:

– Вот так дачка – чистая бацилла! Начальник, гужанемся от души...

Ему мешали наручники. Он попросил:

– Сблочил бы манжеты. Или боишься, что винта нарежу?

Следует заострить внимание на переводе лексических единиц блатного арго.

Русский криминальный жаргон един по всему постсоветскому пространству. Это связано со спецификой устройства исправительно-трудовой системы в СССР и в особенности с менталитетом криминальных единиц. Многочисленность заключенных в советское время только способствовала развитию тюремной культуры и арго. В связи с многочисленными амнистиями последних лет многие единицы лагерно-тюремно-блатного арго органично влились в лексикон людей, не имеющих ничего общего с лагерями. Многие из них сегодня даже не считаются как язык криминалитета. Кроме того, русское лагерно-тюремно-блатное арго довольно хорошо изучено, существует не один словарь, кодифицирующий соответствующую лексику. Помимо отдельных лексических единиц есть целые лозунги, которые были так же хорошо понятны заключенному в любой тюрьме на территории СССР.

В Италии же дела обстоят иначе: там не только нет единого арестантского жаргона, но он даже представлен не во всех регионах и состоит преимущественно из диалектизмов. Лексемы криминального жаргона не зарегистрированы ни в одном словаре. Итальянское тюремное арго остается тайным языком и по сей день, и если оно существует, то в первую очередь остается принадлежностью мафиозных групп, а не лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Эти обстоятельства сильно затрудняют перевод соответствующего пласта лексики. Лаура Сальмон пишет: «Sul gergo carcerario di Dovlatov, ho usato conoscenze personali, corpora di confronto e, soprattutto, consulenze di nativi esperti. Il problema non è mai capire il TP, ma trovare un'equivalenza nel TA italiano, cioè in una lingua che è artificiale e recente (l'italiano «standard», infatti, è spaventosamente povero). Infatti, il gergo carcerario è dialettale in Italia e ha valore solo per le singole regioni»³.

С точки зрения получившихся результатов, единицы можно разделить на несколько групп.

¹ Грачев М.А. Блатная музыка // Мусарт. 2006. № 3. С. 18.

² Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. М.: Края Москвы, 1992. С. 3.

³ «Что касается тюремного жаргона у Довлатова, я использовала личные связи, параллельный корпус и преимущественно консультации местных экспертов. Проблема не в том, чтобы понять оригинал, а в том, чтобы найти эквивалент в переводящем языке, в итальянском, т. е. в языке искусственном и молодом (итальяно стандарт пугающе беден). На самом деле тюремный жаргон в Италии имеет диалектальную природу и ценен только для некоторых регионов».

1. Перевод стилистически адекватен (сохранен сниженный стиль):

манжеты – polsini;
икура – troietta;
будка – grugno;
мент – sbirro;
фрайер – pivello.

2. Переведено нейтральным эквивалентом:

ксива – documento;
щипач – borsaiolo;
шнырь – ausiliario;
фарцовщица – speculante;
фартовый – che ha fortuna.

3. Переведено экзотизмом:

чифир – ċifir;
чифирист – ċifrice;
самовар – samovar (в значении ‘емкость для заварки чифирия’).

4. Утрачено:

кликуха – un piccolo soprannome (суффикс -ух- не является уменьшительным);
похабный – orribile¹.

Еще бóльшие трудности представляет перевод криминальных лозунгов, поскольку они не только содержат специфическую лексику, но и имеют особую синтаксическую и ритмическую структуру: «*День кантовки – месяц жизни*» – «*Un giorno di ozio è come un mese di vita*»

К сожалению, при переводе утратилась емкость, лапидарность лозунга, который годами шлифовался тысячами арестантов. Однако смысл фразы передан довольно точно.

В тексте иронически переосмыслена воровская присказка «Век свободы не видать»:

<i>– Вот уже шестьдесят лет... Слышно?</i> <i>Вместо ответа из зала донеслось:</i> <i>– Шестьдесят лет свободы не видать...</i>	<i>– Sono ormai sessant’anni... Sentite?</i> <i>Invece della risposta si udì dalla platea:</i> <i>– Sono ormai sessant’anni che manca la libertà...</i>
---	---

Несмотря на то что смысл фразы передан точно, сама фраза воспринимается без должной иронии и приобретает глубоко трагический смысл. Такой эффект вызван отсутствием в итальянском языковом сознании подобных формулировок.

Отдельно следует остановиться на эпизоде фонетического подражания русско-му тюремно-лагерно-блатному аргю.

¹ Похабный – непристойный, бесстыдный; грубо сексуальный (Источник: Словарь сексуальных терминов).

– Не знаю, как быть, Феликс Эдмундович... Полинка моя совсем одичала. Ревнует меня к службе, понял? (У Геши выходило – поэт.) ...Скучаю, говорит... а ведь люблю я ее, Полинку-то... Невеста она мне, поэт? Сердцем моим завладела, поэт?..	– Non so che fare, Feliks Edmundovič... La mia Polina è completamente fuori di testa. È gelosa del mio lavoro, capito? – (A Geša era venuto «‘pito») – ...Dice che è triste... Ma io la amo, la Polina... È la mia fidanzata, ‘pito? Ha conquistato il mio cuore, ‘pito?
---	--

Редуцированное «сарито» в целом отвечает необходимому запросу: создает речевой портрет говорящего как человека из низких социальных слоев.

Пристальный анализ русского текста в сопоставлении с итальянским позволил выявить, что спецификой речи заключенных в рассказе является ритмическая организация спонтанной речи:

– Замри, картавый, перед беспредельщиной!..	(U/)(U/)(UU)(UU)(U/)(UU)
– Линяй отсюда, дядя, подгорели кренделя!..	(U/)(U/)(U/)(UU)(U/)(UU)(U/)
– Дослушайте же, псы! Осталось с гулькин хер!	(U/)(UU)(U/)(U/)(U/)(U/)
– Кончайте базарить!	(U/U)(U/U)
– Вот так дачка – чистая бацилла!	(UU)(/U)(/U)(UU)(/U)
– Начальник, гужанемся от души!	(U/)(UU)(U/)(UU)(U/)

Существуют исследования, указывающие на склонность автора ритмизовать некоторые участки прозаического текста для достижения лирического эффекта. Так, на это указывает Каргашин в работе «Освобожденное слово. Поэтика прозы Сергея Довлатова»: «Особо следует сказать о ритме довлатовского повествования. Сознательно избегая случайного повтора, совпадений языковых элементов (на фонетическом, лексическом уровнях), писатель в то же время активно использует повторяемость речевых единиц в качестве поэтического принципа. В целом примеры ритмизации повествования у Довлатова чрезвычайно многочисленны»¹. Также Иосиф Бродский указывал на то, что «двигало им [Довлатовым] вполне бессознательное ощущение, что проза должна мериться стихом»². Высказанное Бахтиным положение о том, что «мир поэзии, сколько бы противоречий и безысходных конфликтов ни раскрывалось в нем поэтом, всегда освещен единым и бесспорным словом»³, Каргашин счел⁴ организующим принципом довлатовской прозы.

В работах подобного толка не встречается тезисов о том, что Довлатов ритмизует спонтанную речь персонажей. Однако анализ текста рассказа позволяет высказать гипотезу, что одиночные выкрики зеков организованы ритмически.

В итальянском переводе ритмическая организация спонтанной речи зеков отсутствует:

¹ Каргашин И. Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова // О Довлатове: Статьи, рецензии, воспоминания / Сост. Е. Довлатова. Тверь, 2001. С. 56.

² Бродский И.А. О Сереже Довлатове. С. 5.

³ Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. Теория романа. М.: Русские словари, 1997. С. 39.

⁴ Каргашин И. Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова. Тверь, 2001. С. 75.

– Ma smettila, erre moscia, sei davanti ai fuorilegge!	U/UU/U/U/U/U/UUU/U
– Smamma, barbetta, che mamma ha fatto i gnocchi.	/UU/UU/UU/UU/U
– E lasciatemi finire, cani che non siete altro! C'è rimasto meno di una sega!	UU/UUU/U/UUU/U/U/UU/U/UU/U/U
– Questo sì che mi sta bene, autentiche proteine!	/U/UU//UUUU/UUU/U
– Capo, qui ce la spassiamo davvero...	/U/UUU/U/UU

Однако мы не можем поставить в упрек переводчице отсутствие ритма. Во-первых, это всего лишь гипотеза, а во-вторых, носитель итальянского языка не считает силлабо-тонические размеры, следовательно, он не распознал бы и ритм прозы рассказа.

3. СТИЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ СОЦРЕАЛИЗМА

Краткая литературная энциклопедия определяет соцреализм следующим образом: «...художественный метод литературы и искусства, сложившийся на рубеже XX века, утвердившийся в годы начавшегося социалистического переустройства мира, ставший основным методом советской литературы; отражение современного исторического процесса в свете идеалов социализма определяет и содержание и художественно-структурные принципы С. р.»¹. Главные художественные принципы соцреализма: народность, идейность, конкретность.

Как пример литературы соцреализма в рассказе представлены отрывки из несуществующей пьесы «Кремлевские звезды» несуществующего писателя Якова Чичельницкого.

– <i>Главное достояние революции – люди. Беречь их – дело архиважное... Так что собирайтесь, и в Крым, батенька, в Крым!</i>	– <i>Il patrimonio fondamentale della rivoluzione sono le persone. Proteggerle è cosa della massima importanza... Dunque faccia la valigia e vada in Crimea, caro amico, in Crimea!</i>
– <i>Рано, Владимир Ильич, рано... Вот покончим с меньшевиками...</i>	– <i>È presto, Vladimir Il'ič, è presto... Quando avremo sistemato le cose coi menscevichi...</i>

В связи с пьесой возникают трудные для перевода советизмы, т. е. слова, словосочетания или значение многозначного слова, появившиеся после 1917 г. и, как правило, связанные с реалиями советского времени².

Следует отдельно остановиться на стратегии перевода словообразовательных конструктов типа «предсовнарком», «замполит», «эсер». Искомые единицы не обозначаются в переводящем языке сложносокращенными словами, поэтому переводчице пришлось переводить эти единицы перифрастически:

замполит – *istruttore politico*;

эсер – *socialista rivoluzionario*;

предсовнарком – *presidente del soviet dei commissari del popolo*.

¹ Краткая литературная энциклопедия: [В 9 т.] / Гл. ред. А.А. Сурков. Т. 7. М.: Сов. энцикл., 1972. С. 243.

² Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Сост.: Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев; Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН. М., 1998. С. 165.

По возможности эти единицы опускаются:

на колхозном рынке – al mercato;

сберкасса – banca.

Прочие единицы переводятся буквально:

Дом культуры – Casa della cultura;

60-летие советской власти – i sessant'anni del potere sovietico;

ленинская комната – il centro educazione leninista;

контрреволюция – contrrivoluzione.

Для некоторых единиц используются уже существующие в итальянском заимствования из русского языка:

меньшевики – menscevichi;

ЧК – Ćeka;

чекист – ĉekista.

Особый стиль литературы соцреализма и социалистического дискурса вообще создают укоренившиеся в русском языке формулы. Некоторые из них известны и итальянскому языку:

железный Феликс – il ferreo Feliks.

Однако большая часть отсутствует в переводящем языке, поэтому их приходится переводить буквально, что неминуемо ведет к утрате характерных черт социалистического дискурса:

вождь мирового пролетариата – la guida del proletario mondiale;

омут мещанства – tunnel piccolo-borghese;

капиталистические джунгли – giungla capitalista;

совесть революции – la coscienza della rivoluzione.

В соответствии с принципом народности литература соцреализма использует не только формулы социалистического дискурса, но и элементы фольклора, которые переводчица заменяет смысловыми эквивалентами:

голубь мой сизокрылый – angelo mio ardito;

как во поле рябину – come un cespuglio in un campo.

Помимо несуществующей пьесы в тексте рассказа цитируются первые строки Интернационала:

<...> ...Вставай, проклятьем заклеименный...	<...> Lèvati, marchiato d'infamia
<...> ...Весь мир голодных и рабов...	<...> mondo di schiavi ed affamati...
<...> ...Кипит наш разум возмущенный, / На смертный бой идти готов...	<...> Ribolle indignata la nostra ragione pronta a lottar fino alla morte...
<...>...Весь мир насилия мы разрушим / До основанья, а затем...	<...> Distruggeremo il mondo violento fino alle fondamenta e...

Переводчица отказывается от уже существующих переводов Интернационала на итальянский язык и предлагает свой вариант, поскольку существующий перевод далек по смыслу от русского текста.

4. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ГЕРОЯ-РАССКАЗЧИКА ДОВЛАТОВА

Согласно Словарю лингвистических терминов Ахмановой, «стиль индивидуальный – совокупность основных стилистических элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определенный период его творчества или распространяющихся на все его творчество в целом»¹.

В статье «Освобожденное слово» И. Каргашин пишет, что «стилевой доминантой повествования в прозе Довлатова становится установка на предельно лаконичную, лишённую “украшений” фразу. Повествование организовано прежде всего при помощи стилистически “нейтрального” слова. Обычно автор намеренно избегает каких-либо форм диалектной, просторечной, даже разговорной лексики и вообще – повышенной эмоциональности, выделенности слова; в этом смысле следует подчеркнуть демонстративно “нейтральный” характер его речеведения»². Художественная позиция Довлатова высказана в «Заповеднике»: «Я шел и думал – мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда»³.

О «норме» как о ключевом понятии литературного наследия Довлатова пишет и сама Сальмон в книге «Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова», сплетая воедино норму и безумие: «...герои Довлатова проявляют то родство с “нормальным” и поэтому страшным безумием, о котором говорит Джоанола как о специфике творчества Пиранделло (Gioanola, 1983, 117–163): это не конкретная, осуществившаяся патология, а душевный потенциал, который объединяет все описанное в картину “аномальной нормальности”»⁴.

Немаловажным элементом довлатовской прозы является ирония. Однако довлатовский тип иронии – особенный. Герой-рассказчик Довлатова не смотрит на объект иронии сверху вниз, а осознает свою неразделимость с ним, поэтому довлатовская ирония всегда горькая, эмпатичная.

Ирония выражается, например, стилистическими средствами: в данном конкретном примере используется резкий переход от нейтрального повествования к риторике комсомольских собраний:

Я шел через зону, хотя мог бы обойти ее по тропе нарядов. Вот уже год я специально хожу по зоне ночью. Всё надеюсь привыкнуть к ощущению страха. Проблема личной храбрости у нас стоит довольно остро. Рекордсменами в этом деле считаются литовцы и татары.	Passai per il campo, anche se avrei potuto aggirarlo lungo il sentiero di sorveglianza. Era già un anno che passavo di proposito, di notte, attraverso il campo. Sempre nella speranza di abituarci alla sensazione di paura. Il problema del coraggio personale per noi è il più sentito. In quest'ambito si ritiene che il record spetti ai lituani e ai tatarì
--	---

Переводчица сохранила нейтральность речи довлатовского героя-рассказчика, однако эквивалента для риторики комсомольских собраний найти не удалось, поскольку итальянское языковое сознание не знает, что это такое. К сожалению, это приводит к утрате уникального довлатовского юмора, который достигается контрастом между нейтральной речью «простого человека» и безумием речевых оборотов пропаганды.

Вот еще один пример довлатовской иронии:

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. С. 445.

² Каргашин И. Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова. С. 118.

³ Довлатов С.Д. Зона: Записки надзирателя; Компромисс; Заповедник. М.: ПИК, 1991. С. 345.

⁴ Сальмон Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М., 2008. С. 113.

Сначала незнакомый зек прочитал две басни Крылова. Изображая стрекозу, он разворачивал бумажный веер. Переключаясь на муравья, размахивал воображаемой лопатой	Dapprima un detenuto sconosciuto recitò due favole di Krylov. Per raffigurare la cicala, agitava un ventaglio di carta. Per trasformarsi in formica, zappava con una vanga immaginaria.
--	---

Трудно понять, почему этот отрывок кажется смешным. Однако в предисловии к «Механизмам юмора» есть слова, которые помогают это понять: «Читая Довлатова, – пишет Лаура Сальмон, – смеешься не оттого, что “смешно”, а потому, что на твоих глазах происходит раскрытие абсурдного, парадоксального состояния, в котором пребывает мир»¹.

Проанализировав перевод рассказа С.Д. Довлатова «Представление», мы позволим себе сделать ряд выводов.

Переводчица очень бережно отнеслась к тексту оригинала и постаралась сохранить стилистическую окрашенность текста там, где это было возможно. Стилистически низкая речь зеков, наиболее колоритная часть рассказа, передана стилистически низкими единицами. Однако итальянский язык и культурное и историческое наследие Италии не позволяют перевести текст точно. По этой причине перевод сильно теряет в колорите, выпуклости образов, живости речи и уникальности прозы Довлатова.

Немногочисленные ошибки при переводе связаны с тем, что автор – носитель другой культуры и не всегда может верно распознать реалию.

Одним из достоинств перевода можно назвать данный автором текст «Интернационала», который ближе к русскому варианту, чем итальянский классический текст.

Как ученый, пристально изучающий творчество Довлатова, автор многочисленных работ о специфике его творчества, Сальмон не могла не сохранить общую тональность повествования, контраст между нейтральным стилем героя-рассказчика и тремя другими стилями.

Выполненный перевод, вероятно, без затруднений считывается итальянским читателем и дает ему более-менее полное представление о специфике Довлатова как писателя, т. е. выполняет все необходимые функции перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Арьев А. Блаженный смех (О книге Лауры Сальмон) // Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М., 2008. С. 3–15.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 576 с.

Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. М.: Края Москвы, 1992. 526 с.

Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. Теория романа. М.: Русские словари, 1997. 880 с.

Бродский И.А. О Сереже Довлатове // Звезда. 1992. № 2. С. 35–51.

Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.

Грачев М.А. Блатная музыка // Мусарт. 2006. № 3. С. 143–151.

Довлатов С.Д. Зона: Записки надзирателя; Компромисс; Заповедник. М.: ПИК, 1991. 380 с.

¹ *Арьев А.* Блаженный смех (О книге Лауры Сальмон) // Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М., 2008. С. 6.

Каргашин И. Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова // О Довлатове: Статьи, рецензии, воспоминания / Сост. Е. Довлатова. Тверь, 2001. С. 102–124.

Краткая литературная энциклопедия: [В 9 т.]. Т. 7 / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1972. 1008 с.

Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Сост.: Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев; Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН. М., 1998. 354 с.

Сальмон Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова / ИМЛИ РАН им. А.М. Горького. М., 2008. 150 с.

Salmon L. Nota alla traduzione. Sellerio editore Palermo, 2002. P. 237–249.

REFERENCES

A Brief Conceptual-Terminological Reference Book on Etymology and Historical Lexicology / Eds.: Zh.Zh. Varbot, A.F. Zhuravlev; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow. 1998. 354 p.

Akhmanova O.S. (1966) Linguistic Dictionary. Moscow. Sovetskaya Enciklopedia Publ. 276 p.

Arev A. Blessed Laughter (Note about Laura Salmon's Book). In: The Mechanisms of Humour. Note about Sergei Dovlatov's Prose. Moscow. 2008, pp. 3–15.

Bakhtin M. Collected Works: In 7 vols. Vol. 3. Teory of Novel. Moscow. Russkie Slovarei Publ. 1997. 880 p.

Baldaev D.S., Belko V.K., Isupov I.M. (1992) Criminal Slang Dictionary: Speech and Grafic Portrait of a Soviet Prison. Moscow. Kraya Moskvyy Publ. 526 p.

Brodskiy I.A. About Serezha Dovlatov. *Zvezda*. 1992. No 2, pp. 35–51.

Concise Literary Encyclopedia: [In 9 vols.]. Vol. 7 / Ed.: A.A. Surkov. Moscow. Sovetskaya Enciklopedia Publ. 1972. 1008 p.

Dovlatov S.D. (1991) Zone; Notes of a Warden; Kompromiss; Zapovednik. Moscow. PIK Publ. 380 p.

Grachev M.A. Thief Music. *Musart*. 2006. No 3, pp. 143–151.

Gled D. (1991) Conversations in Exile. Russian Literature Abroad. Moscow. Knizhnaya Palata Publ. 320 p.

Kargashin I. Deliberated Word: Poetics of Sergei Dovlatov's Prose. In: About Dovlatov: Articles, Comments, Memories / Comp.: E. Dovlatova. Tver. 2001, pp. 102–124.

Salmon L. (2002) Nota alla traduzione. Sellerio editore Palermo, pp. 237–249.

Salmon L. (2008) The Mechanisms of Humour. Note about Sergei Dovlatov's Prose. Moscow. 150 p.

Сведения об авторе:

Алиса Андреевна Цыганкова,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alisa A. Tsygankova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
osip.polskiy@mail.ru